

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Л. Ю. Тугушева

ОРХОНО-ТЮРКСКИЙ И ДРЕВНЕУЙГУРСКИЙ ЯЗЫКИ, ИХ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Вопрос о взаимоотношении двух древних языков тюркской семьи — орхоно-тюркского и древнеуйгурского — встал вместе с открытием письменных памятников на этих языках уже на первых порах их изучения и остается открытым до настоящего времени. Язык орхоно-тюркский запечатлен в письменных памятниках бассейна р. Орхон, включающих в свой состав крупнейшие из известных рунических памятников Восточнотюркского каганата — памятники в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука, Ишбара-тархана, Кули-чора и др., датируемые в основной своей части VIII в. Древнеуйгурский язык использовался в Уйгурском государстве (Восточный Туркестан) в IX—XIII вв.; он отражен в письменных памятниках, найденных в Восточном Туркестане, в числе которых имеются как литературные памятники (по большей части религиозного содержания), так и памятники письменно-делового языка.

О языке древнетюркских письменных памятников в процессе изучения были высказаны разные точки зрения: в одних случаях язык памятников рассматривался как единый язык с незначительными расхождениями¹, в других — как диалекты одного языка², в третьих — как разные языки, к тому же расчлененные на подгруппы³.

В самом деле, с одной стороны, сходство этих языков между собой является неоспоримым; оно распространяется на все уровни

¹ Ср.: «Памятники еписейско-орхонской и уйгурской письменностей не дают, по-моему, достаточных доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я поэтому не склонен резко разграничивать эти языки, хотя, конечно, не смогу отрицать за каждым из них некоторых особенностей» (А. С а м о й л о в и ч, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, ПГ., 1922, стр. 7).

² W. R a d l o f f, Altürkische Studien, — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 6, стр. 427—452.

³ См., например: Н. А. Б а с к а к о в, Тюркские языки, М., 1960, стр. 189—191.

и проявляется в виде черт, присущих только им и отличающих их от прочих тюркских языков, вплоть до того, что некоторые нормы графики и орфографии в обоих языках остаются идентичными независимо от смены алфавитов. Ср., например, сочетание глухого (сильного) согласного с основами, оканчивающимися на сонорный, и употребление его в интервокальном положении как в руническом, так и в уйгурском письме. Лексическая общность проявляется не только в совпадении целого ряда лексем, позже вышедших из употребления, но и в сходстве их фонетической структуры и смыслового наполнения. Ср.: *balıq* 'город', *buluq* 'направление', *bodun* 'народ', *či yaǰ||cī yañ* 'бедняк', *ärtiñü* 'чрезвычайно', *ıduq* 'святой', *godı* 'вниз', 'весь', *qıvra-||qubra-* 'собираться', *oruq* 'путь', *o-* 'думать', 'помышлять', *ögläš-* 'советоваться', *ögüz* 'река', *öyrä* 'вперед', *ötrü* 'другой', *sab||sav* 'слово', 'речь', *saqın-* 'думать', *sü* 'войско', *kü* 'слава', 'молва', *süčig* 'сладкий', *törü-* 'создаваться', *tükäti* 'целиком', 'полностью', *üküş* 'много', *jükün-* 'поклоняться', 'покоряться', 'подчиняться' и т. д.

Сходство памятников древнетюркской письменности между собой не ограничивается факторами общезыкового характера; они объединяются также общностью словесно-художественных приемов, свидетельствующей о единстве типового стиля. Ср., в частности, характер использования параллелизмов и их стилистическую нагрузку в следующих примерах, заимствованных из орхонского памятника и памятника на древнеуйгурском языке:

ilgärü šantuy jazıqa tägi sülädim ||
talujqa kičig tägmädim ||
birgärü toquz ärsänkü tägi sülädim ||
tüpütkä kičig tägmädim ||

Вперед (~на восток) я ходил войной до Шандунской равнины,
 немного не дошел до океана;
 направо (~ на юг) я ходил войной
 до [народа] Токуз эрсенов,
 немного не дошел до Тибета (КТМ, 3);

körtüm körtäjük jirig:
äši-dim äšidmäjük nomuç:
tüpkärdim arquru turquru orunlarnıñ taylançıy qutluç-ın:
tükädtim jaruql-lı qaralı jir-lär-niñ asıy tusu qılmış-ın:

я видел невиданные места,
 слышал неслыханные сутры;
 я постиг изумительную благодать стран всех направлений
 и пользу [перерождений] инь и ян (букв. светлых
 и темных мест) (СЦ, 13а 3-9).

С другой стороны, исследования памятников показали, что их языковой состав весьма сложен. Существенные языковые расхождения наблюдаются не только между памятниками руниче-

ского письма и древнеуйгурскими, но и внутри самих этих групп⁴. Разные языковые напластования прослеживаются не только в памятниках, относящихся к разным группам по территориальному, культурному и прочим признакам, но и в однотипных памятниках, как, например, в уйгурских юридических, в которых употребляются два типа форм условного наклонения (*-sar/-sa*), винительного падежа (*-iγ, -ig/-ni, -ni*) и пр.⁵. Иными словами, в фактах, подтверждающих как ту, так и другую точку зрения, недостатка не было.

Предпринятые попытки классификации древнетюркских языков строились главным образом на выделении некоторых языковых черт в качестве классификационных признаков, по наличию или отсутствию которых можно было бы определить место того или иного языка в общей классификационной схеме⁶. Только в упомянутых работах, в которых вопросу классификации отведено специальное место, таких признаков выделено более полусотни. Однако при этом бросается в глаза разноречивость в самом отборе признаков, доходящий до такой степени, что ни один из них не фигурирует во всех указанных работах одновременно. Каждая новая работа, по существу, оперирует своим особым набором признаков, и признаки, в одних случаях привлекаемые в качестве различительных, в других — остаются без внимания. Столь явное отсутствие единства в отборе признаков само по себе уже является сигналом о неблагополучии, и можно предполагать, что это «неблагополучие» проистекает из самого метода, основанного лишь на учете сходства и несходства материальных, конститутивных элементов языка.

Характер же тюркских языков таков, что основные строевые элементы в них от языка к языку остаются постоянными. Вывод, к которому приходит Г. Ф. Благова на основе системного сопоставления имен действия в современных тюркских языках Средней Азии с соответствующими именами действия в чагатайском языке, а именно, что «во всех названных современных языках... присутствуют (в различных пропорциях, соотношениях и степенях

⁴ См.: W. Radloff, *Altürkische Studien*, стр. 427—452; A. von Gabain, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, стр. 3—8; е е ж е, *Das Altürkische*, — PhTF, t. I, стр. 21—45.

⁵ См.: W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Leningrad, 1928, № 2, 3, 11, 29, 61, 70 и др.

⁶ См.: W. Radloff, *Altürkische Studien*, стр. 427—452; A. von Gabain, *Altürkische Grammatik*, стр. 3—8; С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*, М.—Л., 1951, стр. 71—72; Н. А. Баскаков, *Тюркские языки*, М., 1960, стр. 187—190; Т. Текин, *A Grammar of Orkhon Turkic*, Bloomington, 1968, стр. 7—8; К. Menges, *The Turkic Languages and Peoples*, Wiesbaden, 1968, стр. 62—63; D. Sinor, *A propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang*, — JA, 1939, t. CCXXXI, 42, стр. 543—590.

устарелости) почти все те имена действия, которые наблюдаются в чагатайском языке»⁷, отражает ситуацию для тюркских языков типическую, и не только в отношении имен действия. По этой причине не достигают цели и такие частные способы сопоставления, как предложенный Ш. Шукуровым способ сопоставлять «по методу исключения»⁸ (т. е. выделив предварительно ряд морфологических показателей, общих «для всех памятников и всех периодов развития»⁹) данные староузбекского и современного узбекского литературных языков. При подобном способе сопоставления иного вывода, чем тот, к которому приходит Ш. Шукуров: «в староузбекском и современном узбекском литературных языках основные нормы совпадают»¹⁰, не могло и быть, так как вывод этот предопределен самим способом сопоставления¹¹.

Языковая ситуация, которая в прошлом имела место в тюркоязычном мире, являла собой довольно пеструю картину. Отдельные языки там можно рассматривать как звенья единой, непрерывной цепи, в которой каждое звено имеет особенности, сближающие его с предыдущими звеньями, с одной стороны, и с последующими — с другой. Поиски же классификационных признаков — не что иное, как попытки найти «указатели», по которым можно было бы безошибочно распознавать границу между языками. Конститутивные элементы языка, взятые сами по себе, в отрыве от прочих условий функционирования языка, такими «указателями» служить не могут¹². В их поисках, по всей видимости, следует обратиться к иным сторонам функционирования рассматриваемых языков.

* * *

Древнеуйгурские письменные источники свидетельствуют, что авторы и переводчики древнеуйгурских сочинений называют язык, на котором они пишут, тюркским (*türkčä, türk tilinčä*)¹³. В то же время, определяя свой этнополитический статус, они используют

⁷ Г. Ф. Б л а г о в а, Некоторые вопросы развития среднеазиатского тюркского литературного языка, — СТ, 1971, № 4, стр. 73.

⁸ Ш. Ш у к у р о в, Староузбекский и современный узбекский литературные языки. (К вопросу о формировании национального литературного языка), — СТ, 1972, № 1, стр. 92.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 96.

¹¹ Ср. также: В. Г. К о н д р а т ь е в, Об отношении языка памятников орхоно-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников, — СТ, 1973, № 3, стр. 23—27.

¹² См.: Г. Ф. Б л а г о в а, «Кутадгу билиг» и «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления, — СТ, 1970, № 4, стр. 32—39.

¹³ A. v o n G a b a i n, Maitrisimit. Einleitung von H. Scheel, Wiesbaden, 1957, стр. 15; е е ж е, Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie, — SPAW, 1938, стр. 20; F. W. K. M ü l l e r, Uigurica. I, — APAW, 1908, стр. 14 и др.

другие термины, в частности термин *on uyur*¹⁴. Это расхождение в терминах позволяет прийти к заключению, что в древнеуйгурском обществе существовало понятие литературного языка, отличного от народного. И в самом деле, древнеуйгурский язык отличается высокой степенью нормализованности, являющейся отличительной чертой литературных языков. Наряду с этим в отдельных памятниках древнеуйгурской письменности появляются своего рода «упрощенные» формы, не отвечающие требованиям нормы: *-ya* вместо *-yay*; *-sa* вместо *-sar*; *silär* вместо *sizlär*; *käräk* вместо *kärgäk*¹⁵, просторечные лексические элементы типа *sapsi*¹⁶ и т. д. Возникновение их можно объяснить разными причинами, но наиболее правомерным явится объяснение этого явления влиянием местных диалектов соответствующих областей, так как трудно предположить, чтобы в литературном языке создавались формы, идентичные тем, которые бытовали во взаимодействовавших с ним местных диалектах, совершенно независимо от последних. Попытки истолковать их появление как результат унаследованных или благоприобретенных тенденций в большинстве случаев остаются не более чем умозрительными предположениями.

Таким образом, языковая ситуация в эпоху создания древнетюркских письменных памятников в какой-то мере аналогична той, которая имела место в период распространения литературного языка «тюрки»: обслуживая сферу искусства и делопроизводства, язык «тюрки» также находился в постоянном взаимодействии с народными разговорными языками. С этой точки зрения вопрос о соотношении орхоно-тюркского и древнеуйгурского языков, в сущности, является частью общего вопроса о развитии тюркских литературных языков в их отношении друг к другу и к народным разговорным языкам. Поэтому рассматривать его следует исходя не только из общих законов языковой эволюции в целом, но и с учетом закономерностей образования и развития литературных языков.

На исторически ранних этапах развития для литературных языков характерно стремление отделиться от устной разговорной речи. «Архаизация языка. . . подчеркнутая условность повествовательных приемов, строгое следование жанровому ритуалу — создают облик стиля, сознательно ориентированного на отличие от стихии «обычного языка»¹⁷. Ранние литературные памятники

¹⁴ См.: Ş. T e k i n, Uygur bilgini Singku Seli Tutung'un bilinmeyen yeni bir çevrisi üzerine, — TDAY, 1966, стр. 31; TT IX, стр. 18, стк. 90; J. H a m i l t o n, Toquz-Oyuz et On-Uyur, — JA, 1962, t. CCL, стр. 39—40.

¹⁵ J. R. H a m i l t o n, Le conte bouddhique du bon et du mauvais prince en version ouigoure, Paris, 1971, стр. 4.

¹⁶ «Altun yaruq», стр. 108.

¹⁷ Ю. М. Л о т м а н, Анализ поэтического текста, Л., 1972, стр. 25.

на тюркских языках буквально пронизаны такого рода условными стилистическими приемами, как повторы, параллелизмы, общие места и пр., используемыми для упорядочения композиции. Поэтические формулы такого типа, как: *bäglik uri oylın qul boltı esilik qız oylın küy boltı* 'твои сыновья, призванные стать беками, стали рабами; твои дочери, призванные стать господами, стали рабынями' (КТб, 7); *ičikigmä içikdi bodun boltı ölügmä ölti* 'те, кому следовало объединиться, объединились и стали народом; те, кому суждено было погибнуть, погибли' (БК В₃₇), звучат как бы рефреном на протяжении всего повествования. В дальнейшем художественные формулы такого рода, став неотъемлемой частью художественной системы, вовлекаются в общезыковую сферу как особые показатели «литературности» и наряду с общезыковыми факторами служат для разграничения литературного языка и «обычной речи», способствуя созданию языкового «идеала»¹⁸. Стремление строить литературную речь в соответствии с установленным идеалом, соблюдая заданные по традиции нормы литературного языка, поддерживающие его престиж как орудия искусства, способствует определенной «заторможенности» развития литературного языка в отличие от народно-разговорной речи.

В процессе распространения литературного языка «тюрки» на различных территориях, населенных тюркоязычными народами, указанной тенденции сохранения литературных норм в языке противостояла иная тенденция, проистекавшая из потребности установления взаимопонимания и способствовавшая в конечном итоге приспособлению литературного языка к местным условиям и сближению его с местными диалектами. «На такой территории, как Северный Хорезм, где туркменские племена жили компактно»¹⁹, литературный язык обогащался «за счет новых огузских элементов», а в кыпчакской среде — «за счет вытеснения огузских элементов кыпчакскими элементами»²⁰.

Распространяясь на новые территории, литературный язык «тюрки» всякий раз приходил в соприкосновение с местными диалектами, в результате чего создавалась ситуация языковых контактов. Круг вопросов, связанных с языковыми контактами: в каком направлении пойдет изменение языков в ходе контакта, какой из сталкивающихся языков в конечном итоге станет доминировать над другим и т. д., как установлено, не укладывается в рамки одной лингвистики²¹, но в компетенцию последней вхо-

¹⁸ А. М. Пешковскій. Объективная и нормативная точка зрения на язык, — Избранные труды, М., 1959, стр. 54.

¹⁹ Э. Н. Наджип, О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках, — СТ, 1970, № 1, стр. 88.

²⁰ Там же.

²¹ A. R i c h a r d D i e b o l d J r., Incipient Bilingualism, — «Language», 1961, 37, 1, стр. 97.

дит исследование путей взаимопроникновения контактирующих языков.

Удобным объектом для наблюдений в этом плане может послужить, например, поэма «Юсуф и Зулейха», написанная в начале XIII в. поэтом Кул Гали, выходцем из Булгарии. Этот район достаточно удален от Центральной Азии, где изначально формировались тюркские литературные языки и в более поздние периоды влияние их на местные диалекты Поволжья могло быть лишь опосредованным. В силу этого истоки отдельных явлений в языке поэмы «Юсуф и Зулейха» можно проследить путем сопоставления с более ранними по отношению к нему языками памятников древнетюркской письменности, с одной стороны, и современными языками соответствующих территорий — с другой.

Простое сопоставление на уровне языковых единиц уже показывает, что язык поэмы состоит из разных напластований. В нем можно найти элементы, сближающие его с языком памятников древнетюркской письменности, как, например: аффиксы инструментального падежа *-in, -in* [*qan'in aylar* 'плачет кровавыми слезами' (103)²²], направительного падежа — *-ra, -rā* [*ičrā* 'вовнутрь', 'внутри' (103)]; деепричастные формы на *-iban, -ibän// -uban, -übän* [*tutuban* 'схватив' (103)], *-u, -ü// -yu, -yü* [*aylayu* 'плача' (98), *süräyü* 'волоча' (101), *diyü* 'говоря' (103)]; причастия на *-dači, -däči* [*ürdäči* 'заплетающий' (108)]; лексемы типа: *kirtü* 'правильно' (104), *yavlaq* 'плохой, дурной', 'очень' (101) и др.

Заметное место в поэме занимают огузские элементы (как лексические, так и грамматические), ср., например, использование фонетической формы вспомогательного глагола *ol-* вместо *bol-* 'становиться' (102); употребление характерной для огузского ареала формы дательного падежа на *-a*: *quyuqa* 'в колодец' (101); использование специфических фонетических форм отдельных слов и типичных для огузского ареала лексем: *var* 'есть' (102), *qurt* 'волк' (102), *čoq* 'много', 'очень' (102), *el* 'рука' (102), *eylä-* (вспом.) 'делать', 'совершать' (103) и др.

Целый ряд черт сближает язык поэмы с булгаро-кыпчакскими диалектами: форма 1-го лица единственного числа настоящего времени по типу *qilam* 'я делаю' (117), *veräm* 'я даю' (117); форма дательного падежа личного местоимения 3-го лица единственного числа *aya* 'ему' (107) и т. д. Смешанный характер языка поэмы, таким образом, не вызывает сомнений, но в данном случае, как уже было сказано, интерес представляет не столько сам факт смешения, сколько его характер.

При анализе языка поэмы в первую очередь бросается в глаза отчетливо выраженное сходство языка памятника с тюркскими

²² Примеры приводятся по кн.: «Борынгы татар әдәбияты», Казань, 1963 (в скобках указаны страницы).

языками Поволжья в плане сигнификации (способы выражения). Словесные обороты и фразеология, используемые в поэме, почти в неизменном виде встречаются в тюркских языках Поволжья и по сей день, и это обстоятельство говорит в пользу общности истоков. Ср.: *qatı düşman ol-* 'стать непримиримым врагом' (99), *halim bilirmüsân* 'знаешь ли ты о моем положении?' (84), *qadrini aḥtaq bilmâz* '(только) невежда не знает ей цены' (83), *ant verip* 'дав клятву' (115), *uzun saçım darayuban kim ürdäci* 'кто расчешет и заплетет мои длинные волосы?' (108), *tulyan ay tik balqır idi anıy yüzi||bal şikârdin tatlı idi anıy sözi* 'как луна в полнолуние, лик его светился, слаще меда [и] сахара была его речь' (91). В то же время уйгуро-карлукские (древнетюркские) и огузские элементы употребляются спорадически; они произвольно заменяются равнозначными болгаро-кыпчакскими элементами в тех случаях, когда оказываются избыточными, т. е. предопределенными благодаря присутствию других элементов того же стилистического плана. Ср., например, постоянное чередование в языке поэмы широкого и узкого вариантов исходного падежа *-dan, -dän||-dın, -dın: közlärindın* 'из его глаз' (107), *andın bärü* 'с тех пор' (108); использование по необходимости разных форм вспомогательного глагола «быть»: *erdi* (116) и *edi* (117), двух разных форм дательного и винительного падежей: *süräti* (115)//*sürätini* (115); *bizgä* (106)//*yerä* (106), разных фонетических вариантов одних и тех же лексем: *tila-* 'хотеть' (116), *dilä-* и др. Это доказывает, что древнетюркские и огузские элементы в языке поэмы не являются существенными звеньями системы, они лишь служат целям стилизации под литературную норму и по необходимости легко могут быть опущены и заменены. Стилизирующая роль, «эталонность» некоторых из указанных черт особенно явно проступает, когда они появляются в позициях, в которых в языке-образце не представлены. Примером этого может послужить образование формы *dut-* (114) от глагола *tut-* 'держат', который в огузских языках звонкого согласного в анлауте не имеет.

Таким образом, хотя в языке поэмы и представлены уйгуро-карлукские и огузские черты, их функциональная нагрузка по сравнению с нагрузкой в языках-образцах заметно изменилась. Они «влиты» в болгаро-кыпчакскую языковую систему и функционально «прилажены» к ней. Подобное явление оказалось возможным благодаря тому, что в данном случае контактирующими являются языки близкородственные, а при контакте близкородственных языков, как известно, сама языковая система не оказывает сопротивления интерференции и элементы одного языка беспрепятственно переходят в другой. Благодаря определенным социально-историческим условиям здесь доминирующими при столкновении оказались болгаро-кыпчакские диалекты, и в этом заключается, в частности, «секрет» особой популярности поэмы

«Юсуф и Зулейха» в Поволжье, где ее «в течение ряда столетий» читали «без всякого перевода»²³. Рассмотренный случай в целом отражает условия функционирования тюркских языков средневековья, которые, всякий раз меняя свое обличье, гибко приспосабливались к местным условиям. И это новое состояние языка отражалось не только на изменении материальной основы языка, но и прежде всего на изменении функциональной значимости языковых единиц; именно поэтому учет лишь конститутивных единиц языка не может дать представления об истинных масштабах происшедших в языке изменений.

Собственно лингвистические условия при столкновении орхоно-тюркского и древнеуйгурского языков были идентичны описанному выше. В качестве языка-эталона в этом случае выступал орхоно-тюркский, который постепенно разрушался под воздействием уйгурских племенных диалектов. Чтобы проследить, как далеко зашли эти изменения, обратимся к тем модификациям, которые претерпели в древнеуйгурском языке девять признаков, выделенных Т. Текином в качестве отличительных признаков орхоно-тюркского языка²⁴. Вот что показывает сопоставление данных обоих языков:

1) в древнеуйгурском языке в ряде случаев переднеязычный смычный *d* употребляется вместо межзубного спиранта *ð* или среднеязычного спиранта *y* прочих тюркских языков. Но в отличие от орхоно-тюркского сфера его употребления ограничивается весьма узким кругом лексем (ср. *god-* 'ставить', *yadau* 'пешком', *adril-* 'отделяться', *adaq* 'нога', *adÿir* 'жеребец' и др.);

2) форма родительного падежа *-ïy*, *-iy* при основах, оканчивающихся на согласный, в древнеуйгурском языке сохранилась лишь в местоименных образованиях: *meniy* 'мой', *anïy* 'его';

3) в древнеуйгурском языке, так же как и в орхоно-тюркском, наблюдается использование форманта *-da*, *-dä* для передачи как локативного, так и аблативного значения. Но в отличие от орхоно-тюркского форма аблатива на *-dïn*, *-din* в нем встречается не только при вопросительных местоимениях и словах, обозначающих направление, а сочетается с гораздо более широким кругом имен: *dyan-tïn* 'из состояния медитации', *tilintin* 'с языка', *turqalir-dïn bärü* 'с тех пор как установилось (устроилось)' и др.;

4) причастие настоящего времени на *-ÿma*, *-gmä*, которое в орхоно-тюркском языке еще выступает как форма продуктивная, в древнеуйгурском языке встречается главным образом в лексикализовавшихся причастных определениях: *tigmä* 'называемый';

²³ Там же, стр. 25.

²⁴ Текин, A Grammar of Orkhon Turkic, стр. 7—8.

5) причастие будущего времени на *-dači*, *-däči*, *-tači*, *-täči* продуктивно как в орхоно-тюркском, так и в древнеуйгурском языке. Но оно остается также продуктивным и языке «Кутадгу билиг» — караханидском литературном языке. Сфера распространения этого причастия достаточно обширна и не ограничивается пределами лишь рассматриваемых языков; оно всюду характеризуется относительной стабильностью функций;

6) продуктивное в орхоно-тюркском языке причастие на *-sīq*, *-sik* в древнеуйгурском языке малоупотребительно и сохраняется главным образом в отдельных лексемах с атрибутивным значением: *adinsiγ* 'выдающийся', 'замечательный', *änätkäkääsīg* 'индийский';

7) аффикс сказуемости 2-го лица единственного числа прошедшего категорического времени *-iγ* (*bardiγ*) в древнеуйгурском языке не встречается. Но уже и в орхоно-тюркских текстах этот аффикс появляется считанное число раз; в подавляющем же большинстве случаев в них употребляется формант *-in*, *-inγ*, используемый и в прочих тюркских языках, включая древнеуйгурский;

8) вместо билабиального смычного *b* орхоно-тюркского языка в интервокальной и конечной позициях в древнеуйгурском языке употребляется щелевой *v* (*yaviz* вм. *yabiz*, *yavlaq* вм. *yablaq* и др.). Однако же в памятнике в честь уйгурского кагана Моюн-чора — одном из наиболее ранних памятников древнеуйгурского языка — в аналогичных позициях зафиксирован билабиальный смычный *b*;

9) среднеязычный щелевой сонант *ñ* в древнеуйгурском языке передается в одних случаях с помощью графемы *n*, в других — *y* (*ayīγ//anīγ* 'дурной', 'злой'). Направление развития этого звука, судя по некоторым данным, заложено уже в самом орхоно-тюркском языке, где он иногда также замещается звуком *y* (*yay*-O a1) или *ny* (*tonyquq* БК Ю₁₄).

Сопоставление двух рассматриваемых языков по этим девяти признакам показывает, что различие между ними состоит не столько в наличии или отсутствии того или иного показателя, сколько в особенностях их употребления. В этом плане особенно примечательно употребление вспомогательных глаголов *är-* и *bol-* в том и другом языке. В языке орхонских памятников их значение строго дифференцировано: глагол *är-* употребляется в значении «быть», глагол *bol-* — в значении «делаться», «становиться». В древнеуйгурском языке уже встречается множество случаев использования глагола *bol-* в значении «быть», который при этом не только утрачивает свое прежнее значение, но и функционально замещает глагол *är-*. Ср.: *tidiγ ada bolmadī* 'помех и препятствий не было' (СЦ, 126, ₂₂₋₂₃); *inisi oyli bolmaljip* 'из-за того, что у него не было младших братьев и сыновей' (СЦ, 6б₁₆); *könül ayit yalı yaraysiz bolmışqa* 'из-за того, что не было возможности выразить свое почтение' (СЦ, 13а₂₅).

В орхоно-тюркском языке глагол *är-* употребляется как полнозначный: *tört buluŋ qor yaŋı ärmis* 'в четырех направлениях врагов у него было много' (КТ В₂); *näy näy sabim ärsär* 'все, что я имел сказать' (КТ Ю₁₁). По иному принципу строятся отрицательные конструкции: *atı küsi yoq bolmazun* 'чтобы имя и слава его не исчезли' (КТ В₂₆); *temir qarıyqa. . . tägmis idi yoq ärmis* 'до (сего времени) [тюркский народ] не доходил до железных ворот' (Тон Ю₃). В древнеуйгурском языке уже произошла полная делексистикализация глагола *är-*, и он используется там только в роли вспомогательного глагола. Можно предполагать, что этому способствовал процесс выравнивания по аналогии с отрицательными конструкциями. Такие функциональные сдвиги заметно изменяют облик древнеуйгурского языка, и в этом плане он никоим образом не может быть приравнен к орхоно-тюркскому. По сравнению с последним он являет собой качественно иное языковое состояние, более «обновленное», сдвинутое в сторону сближения с «новыми» и «новейшими» тюркскими языками.

Тюркские языки развивались в постоянном взаимодействии, видоизменяясь под влиянием друг друга. Они напоминают «лепестки огромного веера, в сущности представляющего собой нечто непрерывное: отсутствие прерывности лишь усиливает впечатление единства»²⁵. Какой из лепестков этого языкового веера обретет статус литературного языка, не зависит от каких-то особых свойств данного языка, а определяется социально-историческими условиями. И поэтому вопрос о классификации литературных тюркских языков, так же как и языков в целом, по всей видимости, не может быть решен на основе только лингвистических критериев.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- КТ — Памятник в честь Кюль-тегина (по кн.: W. R a d l o f f, Atlas der Alterthümer der Mongolei, вып. III, СПб., 1896).
 БК — Памятник Бильге-кагану (там же, вып. I, СПб., 1892).
 О — Онгинский памятник (там же, вып. I, СПб., 1892).
 Топ — Памятник в честь Тоньюкука (там же, вып. IV, СПб., 1899).
 СЦ — Л. Ю. Т у г у ш е в а, Памятники древнеуйгурской письменности из собрания ЛО ИВАН СССР. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (в печати).
 «Altun yarıq» — Suvarnaprabhāsa (Сутра золотого блеска). Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, вып. I—VIII, СПб. — Пг., 1913—1917 (Bibliotheca Buddhica, XVII).
 ТТ IX — A. v o n G a b a i n, W. W i n t e r, Türkische Turfantexte. IX, — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Kl. für Spr., Lit. und Kunst, Berlin.

²⁵ А. М а р т и н е, Основы общей лингвистики, — «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 515.